

ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ АНТРОПОНИМИИ

Ю. ЮРКЕНАС

1. Противопоставление собственного имени (СИ) и апеллятива определяется прежде всего оппозицией *отношение к одному объекту* (лицу, предмету): *отношение к классу объектов*. Наричательные имена выражают понятия определенных категорий объектов. СИ служит для обозначения единичного.

2.1. Личные имена представляют собой особую разновидность СИ. В человеческом обществе постоянно происходит процесс называния. Появление нового человека сопровождается присвоением имени. В языке имеется определенный разряд слов, используемых в указанном процессе называния, т.е. существует так называемая антропонимическая система (АС). Количество единиц АС ограничено, разумеется, имеется довольно много лиц, которые носят одинаковые имена. Однако здесь дело совсем иного характера, чем в случае использования апеллятива. Возможность или невозможность называть объект нарицательным именем (напр., березой) обусловлена соответствующими его свойствами, т.е. материальная оболочка нарицательного имени неразрывно связана с „внутренней“ его стороной, известным отображением элементов действительности в сознании человека. Выбор имени из имеющегося в данном языке их „репертуара“ мотивируется обычно социальными, мировоззренческими и др. факторами, не имеющими почти никакого отношения к свойствам человека. По существу, любая единица АС соответствующего разряда может стать именем человека, родившегося в коллективе говорящих на данном языке. Говорить о свойствах объекта, называемого собственным именем, можно лишь по мере наших знаний о данном единичном предмете или лице.

Состав АС с течением времени постепенно меняется. Вытеснение одних единиц АС и включение новых лексем в „репертуар“ имен в основном происходит очень медленно. Только в исключительно редких случаях изменение состава АС носит скачкообразный характер. Последнее обусловлено резкими изменениями в развитии общества: разнообразными наложениями племен, изменением социальных и мировоззренческих факторов и т.п. Однако,

несмотря на возможность разнообразных изменений, ядро АС является довольно стойким. Возраст некоторых единиц АС исчисляется тысячелетиями. Примером таких антропонимов могут служить древние сложные и.-е личные имена, а также так называемые краткие имена (*imiona skrócone* у Т. Милевского), пересекающиеся по форме своих компонентов со сложными антропонимами.

2.2. СИ возникают на базе нарицательной лексики. Однако „связь имени собственного с понятием, заключенным в породившем его апеллятиве, стремится к нулю“¹. На определенной стадии развития отношение СИ к апеллятивам может быть различным: иногда еще нет резкой грани между СИ и апеллятивом, а в известных случаях СИ уже не имеет никакого соответствия в составе нарицательной лексики, т.е. существует „известная градация“ СИ².

2.3. Так как специфическим назначением СИ является обозначение индивидуального лица или предмета, то при контактировании племен личные имена очень легко переносятся из одной среды в другую. Здесь не возникает проблема понимания антропонима или потребность передать его содержание другим словом (имеется в виду так называемая „непереводимость“ СИ). Вместе с индивидом переходит и его имя, которое потом уже имеет потенциальную возможность стать достоянием АС другого коллектива. В силу указанных выше особенностей развитие СИ может в той или другой мере отличаться от истории обычной лексики. Система СИ может стать „резерватом языковых реликтов“, где может отражаться мировоззрение древнего индоевропейца, контактирование между различными племенами и т.п.

3.1. Иногда ономастику называют лингвистической археологией. В самом деле, имеется основание говорить о каком-то сходстве характера исследования в археологии и в ономастике.

Археология изучает прошлое человеческого общества по вещественным памятникам. Изучение орудий труда, оружия, поселений и т.д. дает возможность говорить о материальной культуре, образе жизни, взаимодействии разных культур, о судьбах первобытных племен человеческого общества.

Многие СИ тоже в известном смысле являются памятниками глубокой древности. По ним можно судить о модели мира первобытного человека,

¹ А. В. Суперанская. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. — „Антропонимика“, М., 1970, с. 10.

² В. И. Топоров. Некоторые соображения в связи с построением теоретической ономастики. — Принципы топонимии, М., 1964, с. 12–13.

о религиозно-культурных моментах, в них отражено имевшее место контактирование разных племен и народностей, наложения одних культур на др.

Работа археолога заключается прежде всего в том, чтобы научиться по раскопкам судить о прошлом, чтобы заставить вещественные памятники „рассказывать“ о глубочайшей древности.

Одна из главных задач исследователя ономастики — научиться прочесть те страницы истории народов, которые были запечатлены в собственных именах. Когда речь идет о доисторической эпохе, археология и ономастика должны в какой-то мере дополнять друг друга.

Думается, что даже методика исследования археологического материала в какой-то мере может быть использована в ономастике. Обломки с тем или другим орнаментом, вещи соответствующей формы для археолога приобретают известный смысл лишь тогда, когда они рассматриваются в определенной системе, т.е. когда исследователь знает ареалы распространения и пути передвижения вещественных памятников. Аналогичный подход собственным именам возможен в ономастическом исследовании.

3.2. Наше представление о процессе образования и развития индоевропейских народов можно выразить словами Б. В. Горнунга: „Индоевропейская языковая общность (ИЕЯО) с момента своего образования до момента обособления всех исторически засвидетельствованных „ветвей“ и.е. языковой семьи представляла собой всегда территориально обширную совокупность взаимодействующих племенных диалектов, всегда объединявшихся в различные зоны и группы, состав и географическая конфигурация которых непрерывно менялись“³.

Данные археологии тоже свидетельствуют в пользу такого понимания проблемы этногенеза и.е. народов. На археологической картине этнографической территории Литвы и прилегающих к ней областей проблема этногенеза балтийских народов изображается в общих чертах так. Еще в палеолите на территории Литвы отмечается появление с Запада немногочисленных групп охотников, племен мадленской культуры. Несколько позже с юго-запада хлынула более мощная волна носителей свидерской культуры.

В начале мезолита наблюдается приход новых племен, носителей культуры маглемозе, волна которых продвигалась с запада на восток по южному побережью Балтийского моря. В результате смещения новых и старых племен образовалась характерная только для восточной Прибалтики микролитическая-макролитическая культура, которая распространяется и в ряде об-

³ Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства, М., 1963, с. 8.

ластей Белоруссии. К концу III тысячелетия до н.э. хлынула волна кочевников-скотоводов, носителей как называемой шнуровой керамики и боевых топоров. В результате населения носителей данной культуры на местную „протогруппу“ формировались балтийские племена⁴.

4. Если иметь в виду то, что личные имена довольно легко могут переходить из одного языка в другой, то следует предполагать, что наложения и.е. племен сыграли особую роль в развитии антропонимии.

В настоящее время нас ничуть не удивляет общность личных имен распространившихся, например, в результате христианизации или же занесенных проповедниками ислама. Нам известны причины их появления и пути распространения.

Данные наших наблюдений свидетельствуют об общности немалого количества дохристианских индоевропейских антропооснов. Правда, причины последней нельзя считать вполне выясненными. Здесь, по всей вероятности, можно говорить и об общности происхождения, и о возможности влияния разнообразных контактов и наложений одних племен на другие, т.е. об антропонимическом субстрате и суперстрате. В некоторых случаях не исключена возможность типологической общности. Во всяком случае, прежде чем говорить о причинах, необходимо тщательное исследование явления, в данном случае изучение общности определенного количества антропооснов.

5. Об исследовании топонимического материала В. А. Никонов писал так: „Главное для топонимиста не в этимологии (вообще существующей не „сама по себе“), а в этиологии: не механически констатировать наличие некой основы, а вскрыть причину наименования... Главенство этиологии над этимологией, конечно, не отменяет этимологии и ничуть не уменьшает ее необходимости. Наоборот, именно опора на этимологию придает этимологии надежную достоверность“⁵. Это положение распространяется и на антропонимические исследования. Таким пониманием проблемы обусловлена и общеизвестная методологическая установка, согласно которой основным требованием в исследовании древней антропонимии считается связь с топонимическим „контекстом“, т.е. со всей совокупностью антропо- и топооснов.

⁴ Ср. А. Я. Брюсов. Об экспансии „культур с боевыми топорами“ в конце III тысячелетия до н.э. — „Советская археология“, 1961, № 3, с. 14—15, 32—33; Р. К. Римаантене. Палеолити мезолит. Литвы. Вильнюс, 1971, с. 19, 20, 37, 38, 69—71, 91—94, 118, 125, 173—176; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. V., 1961, p. 35—36, 86, 142.

⁵ В. А. Никонов. Этимологические западни. — *Lingua Posnaniensis*, IX, Poznań, 1963, с. 113—114.

Только этот топономастический фон может способствовать определению подлинного характера антропооснов. Однако на практике это важнейшее методологическое требование соблюдается в ограниченном масштабе. Исследователи балтийской антропонимии чаще всего ограничиваются балтийским материалом, изучение германских древних личных имен строится главным образом на определении соответствий антропооснов с апеллятивами германских языков, в работах по славянской ономастике в большинстве случаев используются данные лишь славянских языков и т.д. Факты родственных антропонимических систем привлекаются крайне редко.

6.1. Так как мы признаем, что отдельные антропонимические системы народов индоевропейской семьи развивались в русле и.-е. прасистемы и одним из основных факторов образования отдельных этнических и языковых групп явилось межплеменное общение, наложение носителей одних диалектов на другие, то весьма перспективным представляется ареальное изучение антропооснов, т.е. определение ареалов распространения основ, выступающих в составе древних имен.

6.2. В качестве первого этапа исследования сохраняется известная процедура выделения компонентов. С этой целью составляются списки СИ, в составе которых выделяется тот же компонент (общая часть ряда антропонимов).

Такой метод выделения морфем в составе древних антропонимов практически используется уже давно (ср. работы К. Буги, Е. Фёрстемана, А. Фика, А. Холдера и т.д.).

6.3. Дальнейшему анализу подвергаются уже выделенные компоненты.

Анализ значения целого антропонима не представляется перспективным, так как в архаичных АС значение имени во многих случаях не является суммой значения их компонентов⁶.

Там, где содержание целого антропонима является совокупностью значений его составных частей, тоже в первую очередь необходимо исследование его компонентов.

В большинстве работ по ономастике анализ выделенных компонентов сводится к определению соответствия с каким-то апеллятивом данного языка. Думается, что имеющийся в настоящее время фактический и теоретический материал по отдельным АС делает возможным изучение антропооснов в более широком плане.

⁶ Ср. А. В. Суперанская. Структура имени собственного. М., 1969, с. 28; А. Bach, *Deutsche Namenkunde*. Bd. 1, T. I, Heidelberg, 1952, S. 86; W. Schmidt, *Deutsche Sprachkunde*. Berlin, 1965, S. 251.

Об исследовании гидронимов К. Буга писал: „В сравнительной потамологии (рековедение) следует поступать так, как делается в сравнительном (этимологическом) словаре любого языка. В этимологическом словаре сравниваются слова, т.е. нарицательные имена (*appellativa*), а в потамологии названия рек (озер) должны сравниваться с названиями рек (озер), т.е. собственные имена (*propria*). И только тогда, когда будут сопоставлены названия рек того же происхождения и определено их географическое распространение, будем иметь право искать этимологию исследуемого названия, которая представляет собой сопоставление с нарицательными именами“⁷. Данная методологическая установка сохраняет свою актуальность и для исследователя древней антропонимии. Соблюдение указанного положения К. Буги должно быть особенно эффективным там, где по данным истории и археологии происходило довольно интенсивное взаимодействие племен.

Однако перед исследователем антропонимического материала встает еще один вопрос. Единицы нарицательной лексики объединяются в группы генетически родственных слов на основе их формальной и семантической соотношенности. При исследовании древних антропонимов семантический фактор, разумеется, не может играть той роли, которую он выполняет в изучении апеллятивной лексики. О многих древних антропонимах мы знаем только то, что они в качестве единиц АС функционируют на определенной территории или же в определенном языковом коллективе.

Семантический фактор в антропонимическом исследовании заменяется новым признаком – способностью выступать в качестве единицы АС. Но указанный признак свойствен не какой-то группе антропооснов, а всем без исключения единицам АС.

При таком положении вещей приходится иметь в виду возможность формального совпадения элементов, не имеющих ничего общего по своему происхождению. Даже в неродственных языках наблюдаются сходные по форме слова, так как в любом языке имеется ограниченное количество звуков и их комбинаций. Этим обстоятельством обусловлен подход к данной проблеме чешского исследователя Л. Згусты. Он признает, что четкое разграничение местного (*einheimisch*) материала и фактов, возникших в другой языковой среде, далеко не всегда возможно. По мнению Л. Згусты, при сравнении необходимо не только формальное сходство антропонимов, но и так называемая внутренняя связь (*innerer Zusammenhang*)⁸. Ареальное изучение древних

К. Būga. Upių vardų studijos ir aiščių bei slavėnų senovė. – Rinkiniai raštai, t. 3, V., 1961, p. 510.

⁸ L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 15–17.

антропооснов как раз и направлено к определению возможности или невозможности существования „внутренней связи“ между соответствующими единицами разных АС. Однако мы отвергаем все попытки априорного решения данной проблемы. Решение вопроса о наличии или отсутствии „внутренней связи“ представляется конечной целью работы исследователя, результатом использования всех известных исследовательских приемов.

В составе и.-е. корней нередко наблюдаются случаи омонимии. И.-е. корни-омонимы не в одинаковой мере сохранились в разных языковых группах. В качестве антропооснов возможно сохранение таких элементов, которые с развитием языка в обычной лексике вышли из употребления. Древние антропоосновы не только теряли старые связи с апеллятивами, но и было возможно определение новых отношений к нарицательной лексике.

Полная или частичная омонимичность антропооснов и некоторых корней того языка, на базе которого развивалась древняя АС, в ряде случаев влекла за собой переосмысление компонентов, т.е. имела место так называемая семантическая адаптация. Поэтому при анализе древних антропооснов и возможен „разрыв между значением основ в момент создания имен и тем значением, которое им приписывают исследователи XIX—XX вв.“⁹. Следовательно, этимология СИ является лишь попыткой определения когда-то существовавшей связи с апеллятивом и в основном носит гипотетический характер.

Пока единственным доступным наблюдению признаком древних антропооснов, единственным каналом получения информации о судьбах древних имен представляется „география“ их компонентов и функциональная нагрузка антропооснов в разных АС. Как этимология апеллятива немислима без сравнения фактов родственных языков, так и анализ древних антропооснов не может быть исчерпывающим и надежным, если единицы АС будут рассматриваться в отрыве от общего ономастического фона. Вероятность случайных формальных совпадений здесь, конечно, не исключена, но она не представляется такой величиной, которая могла бы оказать ощутимое влияние на результаты исследования. Случайные формальные совпадения возможны в единичных случаях. Данные, полученные в результате исследования большого количества фактов, влияние случайностей сводят до минимума.

7 Согласно традиционной точке зрения, самый древний тип индоевропейских антропонимов — это сложные имена. По мнению Э. Пулгрема, древнейший пласт и.-е. антропонимов — имена апеллятивные, одночленные. Носителями сложных имен были лишь представители индоевропейской арис-

⁹ А. В. Суперанская. Структура имени собственного. М., 1969, с. 28.

тократии, а большинством населения в качестве личных имен использовались одночленные апеллятивы¹⁰.

Решение данного вопроса является делом весьма сложным. В ряде случаев трудно определить грань между теми и другими именами. Дело в том, что довольно часто компоненты сложных имен выступают как самостоятельные антропонимы, т.е. имеется большое количество так называемых кратких имен, которые чаще всего имеют при себе элементы аффиксального типа. Некоторые компоненты, выступающие в той или другой АС, сохранились лишь в кратких именах. Судить о характере таких основ можно иногда только по данным АС родственных народов. Нам приходится иметь в виду то обстоятельство, что балтийская антропонимия была засвидетельствована сравнительно поздно. Строгое разграничение основ, имеющих отношение к древним сложным антропонимам, и апеллятивных имен здесь далеко не всегда представляется возможным. Этот вопрос в данном случае не является принципиальным. Поэтому основы, выступающие в балтийских именах, ставятся в один ряд с аналогичными компонентами сложных антропонимов других АС даже в том случае, когда в балтийской АС они не входят в состав двучленного антропонима.

8.1. Теоретические рассуждения по методологическим вопросам обычно нуждаются в иллюстрации фактическим материалом. В первую очередь предлагаем пример, свидетельствующий о перспективности ареального исследования антропонимов.

В некоторых древних славянских АС выступает антропоним *Butrim*, ср. *Петръ Бутримъ*, полковник киевской, 1655 Туп 73, *Бутримъ*, полковник запорожский, 1665 Туп 73, *Бутрим Микулч* Бирилло 37, *Butrym Słownik* 28. Известный исследователь белорусской антропонимии Н. В. Бирилло включает данный антропоним в ряд производных от христианского имени *Бартломей*, т.е. развитие данного имени на белорусской почве изображается в виде списка форм: *Балтромей*, *Баутрым*, *Бутрым*, *Бутрамей* и т.д. Бирилло 38.

В книге Ю. Федосюка о русских фамилиях антропоним *Бутрилов* возводится к нарицательному имени *бутрим* „упрямый, непослушный человек“¹¹.

Ареальное исследование АС разных народов свидетельствует о совершенно другом характере данного антропонима.

Очагом распространения этого антропонима являются территории с балтийским населением. Здесь данное имя несет самую большую функциональную нагрузку. Ср. лит. *Butrimas*, в памятниках *Бутримъ* ПВ 64, *Бутри-*

¹⁰ E. Pulgram. Indo-european Personal Names. — Language XXIII, p. 189–206.

¹¹ Ю. Федосюк. Русские фамилии. М., 1972, с. 40.

мовичъ ПВ 45, др.-пр. *Butrymme Traut* 22, латышск. топоним *Butrim Endz* I 149. По данным издания „Административно-территориальное деление Литовской ССР“ в шести районах совр. Лит. ССР отмечено 9 населенных пунктов типа *Butrim-iškiai* (4), *Butrim-onys* (3), *Butrim-ai* (2).

Данный антропоним тесно связан с системой древних балтийских сложных имен. Ср. ряд образований, содержащих в своем составе основу *But-*: лит. *Бут-вид-овичъ* ПВ 57, *Бут-вилъ* (совр. *But-vilas*), *Бут-вирд-овичъ* ПВ 68, *But-ginas*, *But-norius*, *But-vinas*, др.-пр. *Buti-gede*, *Buti-labs Traut* 134, а также компонент *-rim-* в качестве второго члена сложных антропонимов: *Еи-римъ* ПВ 54, *Конт-римъ* ПВ 225 (совр. *Kanti-rimas*), *Монт-рымъ* ПВ 209 (совр. *Mant-rimas*), *Можримовичъ* ПВ 208 (совр. *Maž-rimas*), *Сов-рим-овичъ* ПВ 103 и т.п.

8.2. В составе АС и.-е. народов имеются основы, пользующиеся особой популярностью. Знание таких излюбленных антропооснов дает основание думать о их наличии в исследуемой АС. Это несколько напоминает пустое место в системе Менделеева, где незаполненная клетка свидетельствует о еще не обнаруженном химическом элементе.

А. В. Суперанская между прочим говорит о том, что „в балтийскую антропонимию теофорные имена не проникли. Отсутствуют в ней имена с общебалтийским обозначением бога *deiwa*“¹². Примечательным здесь является тот факт, что анализ материала АС родственных народов как бы заставил исследователя обратить внимание на наличие или отсутствие антропооснов данной категории в балтийской АС. Само утверждение же, на наш взгляд, обусловлено весьма ограниченным количеством публикаций литовских антропонимических материалов. Некоторые личные имена, засвидетельствованные в письменных памятниках, а также антропонимы, сохранившиеся в качестве современных литовских фамилий, дают основание думать о том, что в балтийской АС были представлены антропоосновы, возникшие на базе и.-е. корня **dei-*, **di-*, который лежит в основе указанного А. В. Суперанской общебалтийского названия бога. Ср. *Деволайтис* 1594, *Jabl* 328⁴², *Dewotaitis* 1594, АКИ 487, *Diwozaic* 1571, *Jabl* 188³², *Дяй-гил-овичъ* ЛМЗ 88, *Дягирд-овичъ* АЛМ 16, *De-mąta* 1594, АКИ 487 (женщина), совр. *Deveikis*, *Devaitis*, *Devikas*, *Dievaitis*, *Dievulis*, *Dei-mantas*, *Dei-nar-avičius*, *De-vainis*, (< *Deva-vain-*, ср. *BgRR* I 240), *De-mond-avičius*, *Dievinas*. По всей вероятности, сюда примыкают древнепрусские *Dey-bote Traut* 24 (ср. *Pa-botho Traut* 134), *Dey-gutte Traut* 24 (ср. *Gutte Traut* 37).

¹² Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas, V., 1959, p. 657.

³² А. В. Суперанская. Структура имени собственного. М., 1969, с. 34.

8.3. В составе АС изредка наблюдаются следы древнейших образований, возникших еще в эпоху тесных контактов между и.-е. диалектами. Таким реликтом представляется антропооснова *Baud-||Bud-*: лит. *Baud-eika, Baud-ila, Baud-ys, Bud-as, Bud-enis, Bud-vila*, др.-пр. *Bawde, Bawd-il, Bude, Bud-ike* Traut 133; слав. *Budi-host, Budi-mir, Budi-slav, Boho-bud, Dobro-bud, Draho-bud, Milo-bud* Svob 72, *Buda, Bud-ak, Bud-ek* Słownik 272; герм. *Baudi-mund, Baudowald, Baudio, Baudo, Boudus, Ala-baud, Hario-baudes, Leude-baudes, Teudo-baudes, Vino-baudes* För 250 – 251, Schö 47; кельт. *Baude-lius, Baudia, Baud-illius, Baudius, Baudo-brigā* Holder 360 – 361, *Boudi-cā, Boudi-llus, Boudius, Boudus* Holder 498; фрак. *Búdioc* Detsch 94; др.-инд. *Bodhī, Bodhi-ka, Bodhi-la, Bodhi-dhana, Bodhi-dharma, Buddhika, Buddhī-vara, Buddhī-vyddhi* Hilka 107, Fick CLXX, CLXXIII.

О балтийской основе *Baud-||Bud-* в качестве антропо- и топооснов см. *Savukynas* LKK IV, 221 (к лит. *baud-inti* „ободрять, поощрять“), также *Traut* 133 (к др.-пр. *et-baudints* „разбуженный, бодрый“). Германская антропооснова *Baud-* возводится к герм. **baudiz* „повелитель“, **beuden* „приказывать, повелевать, управлять“ Некоторые исследователи считают, что данная основа германской АС кельтского происхождения, см. För 249, Kauf 56. Славянская основа *Bud-* объединяется исследователями с корнем *bud-||būd-* „бодрствовать“, см. Svob 72. Др.-инд. *Bodha* – „Erkenntnis“ (познание), *Bodhi* – „пробуждение, познание“, см. Fick CLXXI. Кельтское *Baud-iu-s*, по мнению исследователей кельтской антропонимии, – „Siegreich“ (победоносный), см. Holder 361, *Baudicca* – „Siegreiche“, см. Pokorny 163. Фракийское *Búdioc* возводится к и.-е. корню **bheudh* „бодрствовать“, см. Detsch 94.

Следовательно, соответствующая балтийская, славянская, германская, древнеиндийская и фракийская основа возводится последователями отдельных АС к одному и тому же этимологическому ряду: лит. *budėti* „бодрствовать, дежурить“, *baudà* „штраф, взыскание“, др.-пр. *etbaudints* „оживленный, разбуженный“, русское *будить* (другая ступень чередования в ст.-сл. *bŭdēti, bljusti*); др.-инд. *bodhāyati* „будит, поучает“, гот. *anabiudan* „распоряжаться“ и т.д.

Связь антропоосновы *Baud-||Bud* с указанным этимологическим рядом представляется вполне возможной. Однако приведенный выше антропонимический материал свидетельствует прежде всего о том, что данный компонент является одним из реликтов эпохи тесных контактов между и.-е. диалектами. Не исключена возможность того, что даже кельтское *Baud-* находится в той или иной связи с представленным выше антропонимическим рядом (при этом следует иметь в виду возможность семантической адаптации).

8.4. Наблюдаются случаи, когда объяснение ономастических параллелей сопряжено с определенными трудностями. Примером может служить антропонимический ряд, содержащий в своей основе компонент *Ab(a)r-*: лит. *Abārius, Abrāitis, Abrilā, Abrūtis*, в памятниках *Абрумисъ* 1596 АКИ 548, *Рымко, Юлно, Бумко Оборайтми* 1555 АКИ 17; герм. *Abar, Abarin, Abarhilda, Abarlind, Abricho, Abragila* För 13; кельт. *Abareus, Abarus, Abra, Abrelus, Abrius, Abro(n)* Holder 9–10; фрак. *Abrutus, Abru-polis*, "Αβραρις, "Αβρουτος Detsch 1–3; иллир. этноним "Αβροι Pokorny 2.

Для того, чтобы параллелизм (по крайней мере формальный) соответствующих антропонимов сделать более наглядным, определенные единицы указанного ономастического материала можно представить в виде такого списка:

лит.	кельт.	фрак.	герм.	иллир.
Abarius	Abareus	"Αβραρις	Abar	—
Abr-aitis	Abra	—	—	"Αβροι
Abrutis	—	"Αβρουτος	—	—

Имеющиеся этимологии сводятся к и.-е. корню **abhro-* „сильный, яростный“ (в гот. *abrs*), см. För 12, Kauf 19, Holder 10, Pokorny 2. Здесь идет речь о соответствующих германских, кельтских, фракийских и иллирийских СИ. Это толкование, как и большинство этимологий, остается интересной гипотезой. Нас прежде всего интересует вопрос, в каком отношении находится данная литовская антропооснова к аналогичным образованиям в родственных АС. Решение этой проблемы обусловлено некоторыми соображениями. Аналогичные компоненты отражены в 5 родственных этнических группах. Существование прямых или косвенных контактов между данными племенами считается вполне реальным¹⁴. В литовском языке, как нам кажется, нет такого апеллятива, который можно было бы признать очевидным этимоном компонента *Ab(a)r-*. Поэтому считаем нецелесообразным рассматривать соответствующие литовские антропонимы в отрыве от общего ономастического фона. Общность целого ряда единиц разных АС в данном случае рационально считать не простой случайностью, а результатом межплеменного общения¹⁵.

9. Решение многих сложных проблем антропонимики носит вероятностный характер. Исследователю приходится делать выбор: пытаться во что бы то ни стало найти аналогичный апеллятив или же принимать решение на осно-

¹⁴ Ср. хотя бы карту В. Георгиева, изображающую расположение и.-е. племен в 3500–2500 гг. до н.э. в кн. В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. 1958, с. 275.

¹⁵ Позже соответствующие литовские СИ могли быть поглощены множеством антропонимов, возникших на базе христианских имен *Abraham* или *Gabriel*.

ве сравнения фактов родственных систем СИ. Если совмещается тот и другой прием, то возможно лишь одно решение. Когда одно исключает другое (напр., при анализе литовской антропосновы *Ab(a)r-*), то рационально ставить вопрос о том, в каком случае вероятность правильного решения проблемы представляется более крупной величиной.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКИ	Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссиею, XIV, инвентари имений XVI столетия.
АЛМ	Акты литовской метрики, собраны заслуженным профессором императорского Варшавского университета Ф. Н. Леонтовичем, т. 2, Варшава, 1896.
Бири:	М. В. Бірыла, Беларуска антрапанімія, Мінск, 1966.
ЛМЗ	Литовская метрика, отд. 1, ч. 1, книги записей, т. 1, Спб., 1910.
ПВ	Литовская метрика, отд. 1, ч. 3., Переписи войска Литовского, Петроград, 1915.
Тул	М. Н. Тупиков, Словарь древне-русских личных собственных имен, Спб., 1903.
Bg RR	K. Būga, Rinkiniai raštai, t. I 1958, t. 2 1959, t. 3 1961, V.
Detsch	D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Sofia, 1957.
Endz	J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, d. 1, Rīgā, 1956.
Fick	A. Fick, Die griechischen Personennamen, Göttingen, 1874.
För	E. Förstemann, Altdeutsches Namenbuch, Bonn, 1900.
Hilka	A. Hilka, Die altindischen Personennamen. — Indische Forschungen herausgegeben von A. Hillebrandt, 3. Heft, Breslau, 1910.
Holder	A. Holder, Alt-celtischer Sprachschatz, Bd. I, Leipzig, 1896.
Jabl	K. Jablonskis, Istorijos archyvas, Kaunas, 1934.
Kauf	H. Kaufmann, Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen, München, 1968.
LKK	Lietuvių kalbotyros klausimai, IV, V., 1961.
Pokorny	J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Bern und München, 1959.
Schö	M. Schönfeld, Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, Heidelberg, 1965.
Slownik	Slownik staropolskich nazw osobowych, 1, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965 — 1967.
Svob	J. Svoboda, Staročeská osobní jména a naše příjmení, Praha, 1964.
Traut	R. Trautmann, Die altpreußischen Personennamen, Göttingen, 1925.

DIE PROBLEME DER AREALERFORSCHUNG ALTERTÜMLICHER ANTHROPONYMISCHER STÄMME

J. JURKĖNAS

Zusammenfassung

Onoma nehmen im Wortbestand eine besondere Stellung ein. Bei früheren ethnischen Abwanderungen und Völkerverschiebungen sind viele altertümlische Anthroponyme von einem Volkstamm zu anderem hinübergetragen worden. In gewissen Fällen wurden diese Personennamen mit den

Gattungsnamen in die neuen Beziehungen gesetzt. Infolgedessen ist die Untersuchung der altertümlichen anthroponymischen Stämme überaus kompliziert.

Im dargelegten Artikel wird die Arealerforschung der anthroponymischen Stämme als eine perspektive Methode betrachtet. Die Feststellung der „arealen“ Verhältnisse der anthroponymischen Tatsachen ist eine der wichtigsten Quellen, die die Auskünfte dem Forscher über die Entwicklung altertümlicher Anthroponymie erteilen.

Die anthroponymischen Stämme müssen nicht nur als bestimmte Tatsachen der Sprache, sondern auch als Ergebnisse der Völkergeschichte betrachtet werden.